

День саранчи

1

Под конец рабочего дня Тод Хекет услышал из своей мастерской сильный шум на дороге. Сквозь топот тысячи копыт пробивался скрип кожи, лязг железа. Он поспешил к окну.

Двигалась армия пеших и конных. Она текла, как толпа, с расстроенными рядами, словно спасаясь после страшного разгрома. Доломаны гусар, тяжелые кивера гвардейцев, развевающиеся красные султаны на плоских кожаных касках ганноверской легкой кавалерии — все слилось в kloкочущую массу. За кавалерией шла пехота — бурное море качающихся ташек, наклонных мушкетов, скрещенных портупей, болтающихся патронташей. Тод узнал английскую пехоту, алую, с белыми валиками на плечах, черную пехоту герцога Брауншвейгского, французских гренадеров в длинных белых гетрах, шотландцев в клетчатых юбках с голыми коленями.

Из-за угла вдогонку за армией выкатился низенький толстяк в коротеньких штанах, рубахе навыпуск и пробковом шлеме.

— Площадка девять, ослы, площадка девять! — кричал он в маленький рупор.

Верховые пришпорили коней, пешие затрусили следом. Толстяк в пробковом шлеме бежал за ними, грозя кулаком и ругаясь.

Тод смотрел, пока они не скрылись за половинкой колесного парохода, потом убрал свои карандаши и чертежную доску и вышел из мастерской. На тротуаре возле сту-

дии он постоял, раздумывая, сесть ли ему на трамвай или идти пешком. Он работал в Голливуде только третий месяц и еще не успел здесь соскучиться, но был ленив и ходить пешком не любил. Он решил, что доедет на трамвае до Вайн-стрит, а оттуда пойдет пешком.

На Западное побережье его затащил охотник за дарованиями из студии «Нэшнл», увидевший его рисунки на выставке выпускного курса Йельской школы изящных искусств. Наняли его по телеграфу. Встретясь агент с самим Тодом, он едва ли послал бы его в Голливуд изучать мастерство декоратора и художника по костюмам. Большое нескладное тело Тода, сонные голубые глаза, вислогубая улыбка производили впечатление совершенной бездарности, даже дурковатости.

Но, несмотря на свою внешность, он был сложным молодым человеком, с целым набором индивидуальностей — одна в другой, как китайские шкатулки. И «Сожжение Лос-Анджелеса» — картина, которую он скоро должен был написать, ясно доказывала, что он талантлив.

Он вышел на остановке Вайн-стрит. На ходу он изучал вечернюю толпу. Многие носили спортивные костюмы, которые на самом деле не были спортивными. Их свитера, гольфы, легкие брюки, синие фланелевые пиджаки с медными пуговицами были маскарадными нарядами. Тучная дама в капитанке плыла в магазин, а не к причалу; мужчина в охотничьей куртке и тирольской шляпе возвращался не с гор, а из страховой конторы; девушка в брюках, теннисных туфлях и яркой косынке только что покинула коммутатор, а не корт.

В толпу этих ряженых вкраплялись люди другого сорта. Их одежда была сумрачна и плохо сшита — выписана по почте. Тогда как остальные двигались шустро, шныряли по барам и магазинам, эти слонялись возле перекрестков или, стоя спиной к витринам, разглядывали каждого прохожего. Когда кто-то встречал их взгляд, в их глазах загоралась ненависть. Тод еще очень мало знал о них — только что они приехали в Калифорнию умирать.

Он намеревался узнать гораздо больше. Он чувствовал, что именно их он должен написать. Он никогда уже не станет изображать благополучный красный амбар, старую каменную стену, кряжистого нантакетского рыбака. В тот миг, когда он их увидел, он понял, что, несмотря на его национальность, школу и багаж усвоенных традиций, ни Уинслоу Гомер, ни Райдер не могут быть его учителями, и он обратился к Домье и Гойе.

Он понял это вовремя. В последний год учебы он стал подумывать о том, чтобы вообще бросить живопись. Умения прибавлялось, а удовольствия от работы над цветом и композицией он получал все меньше, и он почувствовал, что идет дорожкой всех своих однокашников — к иллюстративности или просто гладкости. Когда подвернулась работа в Голливуде, он ухватился за нее, вопреки уговорам друзей, убежденных, что он продается и уже никогда не сможет писать.

Тод дошел до конца Вайн-стрит и начал спускаться в Пиньон-Каньон. Ночь наступала.

Деревья окаймлялись бледно-лиловым огнем, а фиолетовые массы крон наливались чернотой. Такой же лиловый ореол, словно аргоновая трубка, очертил макушки уродливых сутулых холмов, и они стали почти прекрасными.

Но даже мягкая отмывка сумерек не помогала домам. Динамита просили эти мексиканские ранчо, самоанские хижины, средиземноморские виллы, египетские и японские храмы, швейцарские шале, тюдоровские коттеджи и всевозможные их гибриды, теснившиеся на склонах каньона.

Когда он заметил, что все они — из гипса, драмки и картона, он смягчился и вину за их безобразие возложил на строительные материалы. Сталь, камень и кирпич смиряют фантазию строителя, вынуждая его распределять нагрузки и напряжения, ставить углы отвесно; а гипсу и картону закон не писан — даже закон тяготения.

На углу Ла-Хуэрта-род стоял миниатюрный рейнский замок с толевыми башенками и амбразурами для лучни-

ков. Рядом поместилась ярко раскрашенная будка с куполами и минаретами из «Тысячи и одной ночи». Но Год и к ним отнесся снисходительно. Оба здания были комичны, но он не смеялся. Их желание поразить было так горячо и бесхитростно.

Трудно смеяться над жаждой красоты и романтики, каким бы безвкусным и даже чудовищным образом она ни утолялась. Но вздохнуть — легко. Что может быть грустнее подлинного уродства?

2

Дом, в котором он жил, был невзрачным строением и назывался «Герб Сан-Бернардино». Он был продолговатый, трехэтажный, некрашеную заднюю и боковые стены его прорезали ровные ряды окон без всяких украшений. Фасад был цвета разжиженной горчицы, и его окна с двойными переплетами обрамлялись розовыми мавританскими колоннами, подпиравшими брюквообразные перемычки.

Комната Тода была на третьем этаже, но он задержался на площадке второго. Здесь, в №208, жила Фей Гринер. В какой-то квартире засмеялись; он виновато вздрогнул и стал подниматься дальше.

Когда он открыл свою дверь, на пол упала карточка. «Честный ЭЙБ КЬЮСИК» — было напечатано на ней крупным шрифтом, а ниже мелким курсивом — несколько отзывов, набранных так, чтобы они походили на отзывы прессы:

«Ллойд» Голливуда (Стенли Роуз).*

Слово Эйба — золото (Гейл Бреншоу).

Атаман в четвертом, Брильянт в шестом. Можешь хорошо зашибить на этих клячах.

Распахнув окно, он снял пиджак и лег на кровать. В окно был виден квадрат эмалевого неба и ветка эвкалипта. Ветерок шевелил его длинные узкие листья и поворачивал их то зеленой, то серебряной стороной.

* «Л л о й д» — крупнейшее объединение страховщиков и страховых маклеров в Англии.

Чтобы не думать о Фей Гринер, он стал думать о «Честном Эйбе Кьюсике». Он ощущал покой и не хотел с ним расставаться.

Эйб был важным персонажем в серии литографий «Плясуны», над которой работал Тод. Он был одним из плясунов. Еще там были Фей Гринер и Гарри, ее отец. Они менялись от листа к листу, но кучка настороженных людей, составлявших публику, везде была одинаковой. Они разглядывали исполнителей так же, как разглядывали ряженных на Вайн-стрит. Их взгляды и заставляли Эйба и других неистово вертеться и скакать, выгибая спину, наподобие форели на крючке.

Несмотря на искреннее негодование, которое вызывала у него карикатурная разнузданность Эйба, Тод радовался его обществу. Карлик будоражил его и как-то поддерживал уверенность в том, что ему нужно писать.

Он познакомился с Эйбом, когда жил на Ивар-стрит, в гостинице «Шато Мирабелла». Другое название у Ивар-стрит было «карболовая аллея», а Шато населяли в основном гастрольные агенты, тренеры и проститутки со всеми опекунами.

По утрам в коридорах воняло дезинфекцией. Тоду не нравился этот запах. Кроме того, плата была высокой, ибо включала в себя расходы на полицейское покровительство — обслугу, в которой Тод не нуждался. Он хотел съехать, но был тяжел на подъем и, не зная другого места, жил в Шато, пока не познакомился с Эйбом. Знакомство состоялось случайно.

Однажды ночью, возвращаясь к себе, он увидел в коридоре, у двери напротив своего номера, какой-то предмет, который он принял за узел с грязным бельем. Когда он прошел мимо, узел зашевелился и испустил странный звук. Тод чиркнул спичкой, думая, что это может быть собака, завернутая в одеяло. Когда спичка вспыхнула, он увидел крохотного человечка.

Спичка догорела, и он торопливо зажег вторую. Перед ним лежал лилипут мужского пола, завернутый в женский фланелевый халат. Округлый предмет на конце оказался

слегка гидроцефалической головой. Она издавала протяжный придушенный храп.

В коридоре тянуло холодом. Тод решил разбудить спящего и побеспокоил его носком ботинка. Человек со стоном открыл глаза.

— Не надо здесь спать.

— Пошел ты, — сказал карлик, вновь закрывая глаза.

— Вы простудитесь.

Это дружеское предостережение еще больше рассердило человечка.

— Отдай мои шмотки! — гаркнул он.

Из-под двери, у которой он лежал, брызнул свет. Тод, набравшись смелости, постучался. Через несколько секунд женщина приотворила дверь.

— Какого черта? — спросила она.

— Тут вот ваш друг, он...

Оба не дали ему договорить.

— Ну и что? — рявкнула она и захлопнула дверь.

— Шмотки отдай, сука! — взревел карлик.

Она снова открыла дверь и стала швырять в коридор его вещи. Пиджак и брюки, рубашка, носки, туфли и нижнее белье, галстук и шляпа вылетели друг за другом в быстрой последовательности. Каждый предмет сопровождался особым ругательством.

Тод изумленно присвистнул:

— Вот это да!

— А ты думал, — откликнулся карлик. — Та еще баба — просто туши свет.

Он засмеялся своей шутке, разразившись тонким кудахтаньем — самым лилипутским из звуков, произведенных им до сих пор, потом с трудом поднялся и подобрал свой просторный халат, чтобы не запутаться в нем ногами. Тод помог ему собрать раскиданную одежду.

— Слушай, друг, — сказал карлик, — разреши у тебя одеться?

Тод провел его в свою ванную. Дожидаясь его появления, он невольно пытался представить себе, что произой-

ло в комнате женщины. Он уже жалел, что вмешался. Но когда карлик вышел из ванной в шляпе, Тоду стало легче.

Эта шляпа почти все поставила на свои места. В тот год тирольские шляпы были в большом ходу на Голливудском бульваре, и гном располагал прекрасным экземпляром. Она была надлежащего волшебного-зеленого цвета с высокой конической тульей. Не хватало только медной пряжки спереди, а в остальном все было идеально.

Однако наряд его плохо сочетался со шляпой. Вместо башмаков с загнутыми носами и кожаного фартука он носил синий двубортный костюм и черную рубашку с желтым галстуком. Вместо кривой суковатой палки в руке он держал свернутый номер «Ежедневного рысака».

— Вот что выходит, когда путаешься с трещеницами, — произнес он вместо приветствия.

Тод кивнул и попробовал сосредоточиться на зеленой шляпе. Его бессловесная уступчивость, видимо, раздражала лилипута.

— Думает, дешевка, крутанула Эйбу динамо — и лады, — со злобой сказал он. — Не выйдет — я могу за двадцатку устроить так, чтобы ей поломали ногу, а двадцатка у меня найдется.

Он вынул толстую пачку денег и помахал перед носом Тода.

— Динамо мне крутить, а? Я тебе так скажу...

Тод поспешно согласился:

— Вы правы.

Карлик подошел к сидящему Тоду, и Тод подумал, что сейчас он вскарабкается к нему на колени, но Эйб только спросил его имя и пожал ему руку. У карлика была могучая кисть.

— Я тебе так скажу, Хекет, — если бы не ты, я бы сломал у ней дверь. Эта баба думает, что может крутить мне динамо, но ей вправят мозги. Ну, все равно спасибо.

— Плюньте на это.

— Плюнуть? Ну нет. Я все понимаю. Я помню тех, кто мне нагадил, и помню тех, кто мне помог.

Он нахмурил лоб и помолчал.

— Слушай, — сказал он наконец. — Ты мне помог, и я тебя отблагодарю. Мне не нужно, чтобы кто-то тут ходил и болтал, будто Эйб долгов не платит. И я тебе вот что скажу. Я скажу тебе верняка на пятое в Калиенте. Поставишь на него пятерку и двадцать огребешь как штык. Я тебе точно говорю.

Тод не знал, что ответить, и его нерешительность обидела лилипута.

— Я что тебе — врать буду? — сказал он, нахмурясь. — Буду, да?

Тод пошел к двери, чтобы избавиться от него.

— Нет, — ответил он.

— Чего ж ты тогда опасаясь, а?

— Как зовут лошадь? — спросил Тод, в надежде его успокоить.

Лилипут последовал за ним к двери, волоча халат за рукав.

В шляпе и в башмаках он на полметра не доставал Тоду до пояса.

— Трагопан. Он будет первый, это верняк. Я знаю его хозяина, он мне шепнул.

— Он грек? — спросил Тод.

Он хотел любезностью скрыть маневр, которым рассчитывал выманить карлика за дверь.

— Да, грек. Ты его знаешь?

— Нет.

— Нет?

— Нет, — сказал Тод решительно.

— Да не трухай, — смиловился карлик, — я просто хотел узнать, откуда ты знаешь, что он грек, если ты его не знаешь?

Он подозрительно прищурился и сжал кулаки.

Тод улыбнулся, чтобы задобрить его.

— Я просто догадался.

— Догадался?